

На правах рукописи

Дроздов Кирилл Валерьевич

Поэтическая философия чинарей

(А. Введенский, Д. Хармс, Я. Друскин, Л. Липавский, Н. Олейников)

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

003 175683

A large, stylized handwritten signature in black ink, written over the right side of the barcode label.

Москва 2007

Работа выполнена в Институте «Русская Антропологическая Школа» ГОУ
ВПО «Российский Государственный Гуманитарный Университет»

Научный
руководитель:

Кандидат философских наук, профессор
Петровская Елена Владимировна

Официальные
оппоненты:

Доктор филологических наук, профессор
Венедиктова Татьяна Дмитриевна

Кандидат филологических наук,
Фещенко Владимир Валентинович

Ведущая
организация:

Российский Институт Культурологии

Защита состоится 12.11.2007 в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д.212.198.06 в ГОУ ВПО «Российский
государственный гуманитарный университет» по адресу: Миусская пл., д. 6,
Москва, ГСП-3, 125993.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Российский
Государственный Гуманитарный Университет».

Автореферат разослан

Автореферат размещен на сайте: www.rsuh.ru.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии

Лапина-Кратасюк Е.Г.

Актуальность исследования.

Актуальность темы данного диссертационного исследования определяется применением в анализе материала положений философии сообщества. Творчество группы «чинарей» рассматривается с точки зрения феномена коммунитарности и философии множественности, что позволяет по-новому исследовать черты существования и особенности творчества данной группы.

Определить сообщество можно как коммуникативное, творческое образование, которое обладает особым экзистенциальным статусом, определяющим собой соответствующие формы опыта. Феномен сообщества и его своеобразный опыт с трудом поддаются описанию в традиционных терминах теории культуры, что также подчеркивает актуальность и научную новизну предлагаемого в данной работе аналитического подхода.

Коммунитарность не является историческим явлением, тем не менее, определяя собой, очевидно, и формы социальности, и образ европейской философии. Из наиболее известных примеров недавнего прошлого, чье существование можно рассматривать как общественное, необходимо упомянуть иенских романтиков (Фр и А Шлегелей, Новалиса, Фр Шлейермахера и др.) или кружок «Арзамас» (В А Жуковский, А С Пушкин, В Л Пушкин, П А Вяземский и др.). XX век дал немало примеров опыта сообщества или, другими словами, коммунитарности в пределах между неоднозначно оцениваемым коммунизмом и яркими, но, как правило, недолговечными из-за высокой самостоятельности участников дружескими кружками и творческими группами. Наиболее отчетливо коммунитарность отразилась и определила собой существование таких групп, как французская эзотерическая группа «Адефал» и ее экзотерический вариант, «Коллеж Социологии» (Ж Батай, М Бланшо, М Лейрис, Р Деснос, Р Кайюа и др.), отчасти религиозно-философский кружок «Патмос» (М. Бубер, О Розеншток-Хюсси, Ф Розенцвейг) и «бахтинский кружок» (М Бахтин, В Волошинов, П Медведев), русское сообщество «чинарей» (более известное в своей литературной ипостаси как «ОБЭРИУ», но не сводящееся к нему). В большинстве своем эти группы формировались в 1920-1930 гг., что позволяет говорить о наличии определенных условий и предпосылок для проявления глубинной коммунитарной природы социальности и творчества, общих для всей европейской культуры того времени, что, несомненно, требует привлечения самого пристального внимания исследователей.

Основная особенность сообщества – это способ, каким оно проявляется и существует. Данный феномен почти не поддается описанию и выражению в понятиях классической философии, с точки зрения социологии попытки его описания также

единичны. Поскольку область появления сообщества неразрывно связана с творчеством, с переосмысленной в XX веке идеей письма, в диссертации предпринимается попытка концептуализации сообщества через анализ совместной творческой практики. Уникальность сообщества состоит в том, что его существование тождественно самому коммунитарному опыту: именно эта черта сообщества позволяет рассмотреть художественную и внехудожественную, жизненную практику чинарей как единое целое.

Сообщество – это не столько внешние проявления и очевидные связи между участниками того или иного кружка или союза, напротив, сообщество – это образование, которое не обязательно должно соответствовать феноменам, свойственным человеческому обществу: это не социальный класс, прослойка, страт, формальная организация или неформальное объединение, не маргиналия. Коммунитарность – это, скорее, переосмысленная философская категория бытия: наиболее авторитетный теоретик сообщества Ж.-Л. Нанси называет само бытие «единично множественным», показывая, что совместность является его неотъемлемой чертой. Ближе всего к идее сообщества соотносится идея тела как носителя и выразителя смысла, а точнее – множества тел (геометрических, физических, биологических, культурных), в совместном появлении которых высказывается смысл, осуществляется коммуникация. Невозможность описания и рационального выражения сущности сообщества Ж.-Л. Нанси выражает формулой «тело/мысль», совмещающей невыразимость тела, несводимость его к речевой практике и невыразимость чистого смысла. Только в опыте сообщества смысловое и телесное измерения дополняют одно другое: смысл получает выражение при помощи тела, телесное существование становится «осмысленным». Иными словами, сущность сообщества, несводимая ни к какой данности, единичной и предельной истине, не фиксируется в привычных культурных формах, т.е. не соответствует ни феномену «творческого союза», «кружка», не отражается до конца ни в каком манифесте, архиве или документах и, более того, не обязательно осознанно выражается автором; художником в своих произведениях. Сообщество – это одновременно его явление как явление многих друг для друга в их совместности, и его собственный смысл, получающий выражение в этом совместном явлении.

Так, феномен сообщества сам по себе призывает пересмотреть фундаментальные основания философии и, объединяя жизнь и творчество, вещественные и символические аспекты знака и культуры, требует специальной аналитики и процедур описания.

Одной из наиболее примечательных (в контексте русской культуры, почти уникальной) стала реализация опыта сообщества в творчестве группы «чинарей» (Д. Хармс, А.И. Введенский, Л.С. Липавский, Н.М. Олейников, Я.С. Друскин). Актуальность данного диссертационного исследования в отношении данного материала –

это возможность целостного взгляда на чинарей, для которых творчество и дружеское общение, перформанс и повседневная жизнь суть проявления единого принципа – совместности, соотносительности различных уровней бытия. Через опыт сообщества, где в условных ипостасях собеседников выражает себя сама сущность мира, можно выявить особый род коммуникации, характерный для чинарей, объяснить специфическую тематику их творчества. Таким образом, диссертация представляет собой исследование способов существования и организации высказывания сообщества и фиксации его опыта – то есть того, что диссертант, применительно к материалу, называет «поэтической философией».

Определение темы исследования.

«Поэтическая философия» чинарей, те подчеркнуто ненаучное и ориентированное на абсурдизм, бессмыслицу, небинарные логики творчество данной группы, вполне справедливо считается итогом развития русского авангарда начала XX века, равно как и продолжением – в неформальном, не совсем академическом ключе – традиций русской философии. О культурных влияниях наследия «содружества чинарей» и последствиях для развития мысли в позднейшую эпоху можно судить по мощному и неутрачиваемому с середины 1980-х гг. интересу исследователей к фрагментарному, и тем более загадочному и притягательному, творчеству «чинарей», которое в то время начало публиковаться.

Тем не менее, сообщество характеризуется не научной серьезностью, не академическим характером работы и даже не серьезностью, «философичностью» художественного опыта. С этой точки зрения чинари с очевидностью представляют собой коммунитарный в своем основании феномен. Именно несерьезность, «доморощенность», случайность и фрагментарность отличают их образ мысли, их жизненные установки и приоритеты. Эти установки были выработаны сознательно, их можно назвать если не творческим методом, то *profession de foi* сообщества (все основные теоретики характеризуют сообщество как «непроизводящее», «праздное», те пренебрегающее установкой на серьезность, результат и ценность).

При таком подходе к материалу перед исследователем неизбежно встает вопрос в какой степени творческое наследие чинарей, имеющееся в «архиве» и зафиксированное в документах различного рода – от стихотворных, драматических и прозаических опытов до необычных «квазинаучных» трактатов, стенограмм дружеских бесед и переписки – отражает и способно объяснить способ высказывания сообщества, особую атмосферу мысли, творческий стиль каждого из участников в отдельности и всей группы в целом? Можно ли, и в какой степени, путем анализа, комментирования и систематизации

архивных документов составить целостное представление о самой жизни, о взглядах и вопросах, которые не просто формировались и высказывались в дружеском кругу, но составляли общее для них проблемное поле, которое само сформировало этот «дружеский круг»? Иными словами как исследовать то, что всегда остается за пределами общепринятых форм фиксации культурного опыта – за пределами стенограммы, изложения, записи и даже свидетельства очевидцев

Достигнутый к настоящему моменту уровень анализа требует обращения исследователя к «совместной мысли» чинарей не только в ее ключевых точках и динамике, как она формировалась и изменялась (что уже во многом сделано), но и, наконец, осмысления ее как «совместного явления» не просто особого комплекса философских, семиотических, творческих идей и представлений и их реализации на практике, но в качестве способа высказывания и способа существования. Именно онтологический и коммуникативный статус сообщества должен быть выявлен и подчеркнут на данном этапе исследования, поскольку только под таким углом зрения возможно выявить специфические черты сообщества, объясняющие принципиальную «нефиксируемость», «недокументируемость» коммунитарного опыта и обнаружить возможности для «записи» этого опыта другими средствами и способами. Вариант анализа коммунитарности, отражающий некоторые важнейшие черты общественного строя чинарской мысли предложен в данном исследовании

При всем интересе исследователей к особой системе мысли сообщества «чинарей», направленность работы, как правило, сводилась и до сих пор сводится к исследованию отдельных аспектов художественного творчества группы, либо к решению связанных с ним частных историко-культурных, эстетических и литературоведческих вопросов

Таким образом, определение темы диссертации основано на попытке применения комплексного подхода к анализу материала, который объединяет возможности философского и культурологического осмысления вышеназванных феноменов с новой точки зрения

Степень изученности темы.

«Философия сообщества» в России до сих пор являлась малоизученной и привлекла интерес исследователей лишь в недавнее время. Среди наиболее известных исследователей этой темы необходимо упомянуть участников французского «Коллежа Социологии» – Ж. Батая, М. Бланшо, Р. Кайюа, М. Лейрису и др. и близкого им по духу В. Бенямина. На Западе тема сообщества подробно разрабатывалась и получила теоретическую базу в трудах Ж. Батая, М. Бланшо, Ж.-Л. Нанси, отдельные аспекты коммунитарности представлены в работах Дж. Агамбена, Ж.-Ф. Лиотара, К. Менке и др. В

России пока что существуют единичные исследования данной темы в работах О Аронсона, Е Петровской, О Тимофеевой

К отдельной группе необходимо отнести работы Ж Делеза, посвященные «логике смысла» и бессмыслицы, и Р Якобсона о метонимии, которые оформили методологическую базу диссертации

К числу авторов наиболее известных трудов по общетеоретическим и историческим вопросам культуры и эстетики, близких тематике исследования, можно отнести Т Адорно, Р Барта, П Булеза, К Гринберга, Ж Делёза, Р Краусс, Я Мукаржовского, Т Нагеля, А Родченко, Ф Серса и др К числу работ по истории и теории авангарда, отдельным вопросам эстетики и поэтики конкретных авторов или творческих групп относятся работы Е Андреевой, Е Бобринской, Б Гройса, Е Петровской, Е Сидориной, Ж Шенье-Жандрон и др

Исследования по семиотике, лингвистике и логике, а также смежным вопросам, позволившие предложить систематический анализ соответствующих аспектов материала диссертации, включают в себя работы таких авторов, как Э Бенвенист, К Бюлер, Вяч Вс Иванов, Г Гийом, Дж Лакофф и М Джонсон, Ч С Пирс, Я Лукасевич, Д Маккей, Б Рассел, Ф де Соссюр, Ю Степанов, В Топоров, Г Фреге, Г Шпет и др

Среди исследователей, посвятивших свои работы различным аспектам творчества чинарей и группы ОБЭРИУ в целом или отдельным ее участникам и касавшихся аспектов абсурдной поэтики, логики смысла и других теоретических вопросов этого поля, необходимо упомянуть А Александрова, О Буренину, Р Гернера, Я Друскина, Ж-Ф. Жаккара, К Ичин, Б Кардулло, Е Ключева, М Мейлаха, В Нордберга, В Подорогу, И Протопопову, О и И Ревзиных, В Сажина, Д Токарева, В Фещенко, Т Цвигун, Т Цивьян, М Эсслина, М Ямпольского и др

Цель диссертации: в рамках понятий и постулатов философии сообщества рассмотреть жизнь и творческую практику чинарей как составляющие целостное коммунитарное явление

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи исследования**, отвечающие базовой структуре диссертации

- 1) Характеристика понятия «сообщество», специфики коммунитарного опыта, определение места и роли коммунитарности в культуре,
- 2) Исследование поэтической философии сообщества «чинарей», анализ и систематизация круга концептов, разработанных этим сообществом, определение их значимости в исторической и теоретико-культурной перспективе,

3) Определение способа высказывания сообщества чинарей. Формулирование принципов коммунитарной коммуникации,

4) Определение взаимосвязей между элементами поэтической философии чинарей, анализ текстов чинарей с точки зрения коммунитарного опыта и способов его фиксации

Объектом исследования стали тексты А И Введенского, Л С Липавского, Я С Друскина, Д Хармса, Н М Олейникова, дневники Д Хармса и Я Друскина, переписка и стенограммы бесед чинарей, сделанных Т А Липавской. К анализу привлечены тексты, наиболее отчетливо выражающие характерные черты существования и специфику творчества группы.

Предмет исследования поэтическая философия, как комплекс идей, понятий и представлений, выражающих опыт сообщества чинарей

Методология работы:

В основание методологии данного исследования был положен ряд гипотез и идей философии сообщества, методики структуралистски и постструктуралистски ориентированной философии, культурологии и лингвистики

- 1) Идеи и понятия теории сообщества, определившие общее направление и концептуальную базу исследования,
- 2) Инструментарий исследования составляет комплекс идей и понятий, предложенных Ж Делезом в работах, которые посвящены структурной «аналитике смысла» и проблеме абсурда («Логика смысла», «Марсель Пруст и знаки», «Различие и повторение», статьи и стенограммы семинаров),
- 3) Теория метонимии. Как один из фундаментальных – наряду с метафорой – принципов организации языковой структуры в статье «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» Р.О. Якобсоном была выдвинута идея «оси метонимии» и «комбинации языковых элементов по принципу метонимии». В качестве одного из двух принципов организации структуры метонимия предложена Ж Делёзом (статья «По каким критериям узнают структурализм?») Частные аспекты метонимического принципа получили развитие в работах Н Арутюновой, Р Барта, Ж Деррида, В Телии, Д Трунова, Ж Шенье-Жандрон, а также в сборнике «Общая риторика» группы «И»

Апробация работы.

Диссертация обсуждалась в Институте «Русская Антропологическая Школа» РГТУ Основные положения исследования были изложены в докладах, сделанных в Институте «Русская Антропологическая Школа», на Конференции аспирантов и магистрантов, проходившей в рамках Пятой летней школы РАШ (июнь 2007 г) Материалы диссертации раскрываются в ряде опубликованных и готовящихся к публикации работ По материалам исследования планируется подготовка спецкурса

Практическая значимость и применение результатов исследования.

Полученные в диссертации результаты можно применить при разработке учебных курсов по истории и теории авангарда 1920-1930 гг XX века и тематического модуля в общем курсе по истории европейской и русской культуры XX века Также возможно разработать уникальный спецкурс по несимволическим формам коммуникации, что внесет определенный научный вклад в теорию коммуникации С философской точки зрения некоторые результаты исследования могут быть интегрированы в курс современной постнеклассической философии, философии сообщества, истории русской философии

Теоретическая значимость исследования состоит в применении на практике положений философии сообщества, что позволяет ввести в поле культурологических исследований особый, не рассматривавшийся ранее в данном аспекте, материал Диссертант выдвигает новую научную гипотезу, в соответствии с которой характер коммуникации в сообществе определяется как метонимический, предлагает способ анализа опыта сообщества, с целью чего адаптирует и применяет на практике метод «анализа смысла» и бессмыслицы Ж Делёза

Структура диссертации определяется целью и поставленными в исследовании задачами Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы

В первой главе в историческом и теоретическом аспектах рассматривается феномен сообщества, представлены методологические основания и инструментарий исследования, определен статус группы «чинари» как сообщества

Вторая глава посвящена рассмотрению т.н «поэтической философии» чинарей – важнейших понятий (как правило, творчески определяемых самими участниками группы) и тем, в которых отразился коммуитарный опыт чинарей В частности, подробно рассматривается понятие «время», которое оказывается в представлении чинарей

фундаментальной категорией, связывающей и объединяющей в комплекс другие темы их совместного творчества и позволяющей выявить специфику их эстетических взглядов, коммуникативных стратегий и самой творческой жизненной практики

В третьей главе предложена попытка систематизировать представления чинарей о структуре языка, а также подробно рассматривает коммуникативные стратегии чинарей и способ организации коммунитарного высказывания, лежащего в основании творческого метода сообщества. В этой главе демонстрируется возможное применение результатов исследования и аналитического инструментария на примере анализа стихотворения А. Введенского «На смерть теософки»

В заключении приведены результаты исследования, сформулированы выводы

Положения, выносимые на защиту.

1) Представление чинарей как сообщества – феномена с особым онтологическим и коммуникативным статусом, опыт которого выражается в автономных экзистенциальных, эстетических, этических формах и образах – требует специального исследования и разработки соответствующего инструментария,

2) Рассмотрение совместного творчества чинарей с учетом соотносительности их жизни и творчества, т.е. в контексте сообщества, выстраивает адекватную материалу исследовательскую перспективу, проясняет важнейшие характеристики, темы, проблемы, и идеи чинарей,

3) Связи, образующие сообщество, так же как способ организации коммунитарного высказывания, имеют метонимический характер, что обуславливает их отличие от устоявшихся форм социальности и видимую акоммуникативность,

4) Анализ коммунитарного опыта чинарей требует привлечения особого инструментария с использованием элементов «аналитики смысла» и бессмыслицы, предложенной Ж. Делезом. Такого рода анализ позволяет реализовать новый исследовательский подход как к текстам чинарей, так и к формам, выражающим опыт сообщества в целом

Введение определяет актуальность темы данной работы, уровень теоретической разработанности основных тем и проблем коммуитарности, степень разработанности материала (на конкретных примерах), понятийный аппарат Диссертантом вводится и подробно объясняется методологическая база и инструментарий исследования (теория сообщества, «аналитика смысла» и нонсенса Ж Делёза, собственно построения чинарей) Вводится и определяется концепт «поэтическая философия» в качестве основного предмета исследования

Освещены фундаментальные понятия, относящиеся к коммуитарному уровню творчества (на примере кружка «Арзамас», группы «Коллеж социологии» и Ж Батая, чинарей), такие как «непроизводительность», «трата», «негативность», «дар», «чудо» и т п

Обозначаются основные направления, проблемы, цели и задачи диссертационного исследования Вводится и тематизируется понятие «абсурд» (бессмыслица), как оно представлено в творчестве чинарей и теоретически осмыслено Я Друскиным Рассматривается понятие «иероглиф» (самостоятельно определенное чинарями и Ж Делёзом) и «метонимическая коммуникативная модель», позволяющие по-новому, более детально и адекватно материалу, осмыслить «поэтическую философию» чинарей

В первой главе, «Сборище друзей, оставленных судьбою»: основные черты коммуникативного сообщества чинарей», освещается теоретический контекст и особенности коммуитарности через ее выражение в дружбе, любви, общении (эти основные типы совместного явления – общественности – предлагает Ж -Л Нанси)

Феномен коммуитарности рассматривается через призму делезианских представлений об «имманентном поле философии» и «имманентности жизни» Определяются важнейшие аспекты сообщества, обособляющие его как от социологического, так и от исторического подходов, утверждается принципиальная коммуникативность сообщества, его первичный статус по отношению к социальности и индивидуальности, подчеркивается самостоятельность и необходимость в особых средствах фиксации опыта сообщества.

Во второй главе, «Поэтическая философия чинарей: проблема времени», подробно рассматривается, что представляет собой понятие «время» у чинарей, как, насколько и в каком отношении оно определяет их мировоззрение, с какими другими концептами связано и/или обусловлено, чем отличаются друг от друга взгляды каждого из чинарей на время

Основным тезисом данной главы является то, что чинари анализируют «физическое» представление об измеримом, линейно направленном и непрерывном времени, отказывают ему в необходимости существования и сводят к колебаниям между бытием и ничто. Время для чинарей перестает быть телесным, предметным, поддающимся оценке и измерению и предстает как «распредмеченная» категория. Из этой редукции выводится не тотальная безвременность и не чистый поток сознания, а другой образ времени – мгновение, равное вечности.

На основании нового образа времени – пустого «нефизического» времени события – делается возможным возврат и использование в поэтических целях языка как системы чистых и независимых от физического времени различий. В рамках «поэтической философии» производство «индивидуализированной» речи возможно только исходя из выразительных возможностей языковой системы. Такая речь уже не будет препятствовать выражению события, поскольку и сама она, и говорящий фрагментируются и становятся абсурдными. Исходя из специфики объекта исследования – «поэтической философии» чинарей – диссертантом утверждается выражение коммунитарного опыта невозможно без задействования фундаментальных возможностей языка, переход в зону которых возможен только как выход в особое время. Следовательно, реконструкция системы представлений чинарей о времени играет для анализа их творчества первостепенную роль.

Первый параграф второй главы, «Александр Введенский: время события», посвящен анализу образа времени, как он представлен в творчестве Александра Введенского. Диссертант определяет «поэтико-философский» метод Введенского, на основании анализа материала выделяет важнейшие темы, которые, будучи преломленными в творчестве поэта и отчасти восстановленными по стенограммам бесед чинарей, определяют специфические и общие с другими чинарями черты восприятия времени поэтом. На основании концепта «иероглиф» (термин чинарей), воплощающего один из способов коммунитарной коммуникации, в параграфе рассматривается способ организации поэтического высказывания А. Введенского.

Диссертант показывает, что анализ категории времени, предпринятый поэтом, основан на *методе косвенных характеристик*: анализ производится посредством рассмотрения тем, связанных со временем, но не являющихся качествами, присущими самому времени. В ходе исследования выявлены наиболее значимые типы опыта, посредством которых постигается природа времени; к ним относятся основные виды «пограничных» состояний сознания: сон, бред, наркотический опыт, панический ужас, смерть.

В данном параграфе подробно описан способ, при помощи которого Введенский последовательно редуцирует комплекс «неправильных» представлений о времени

Природное время объявляется непостижимым для человеческого ума и невоспринимаемым для животных и растений. Редуцируется также и восходящее к аристотелевской идее «меры» представление об измеримости времени при помощи числа. С этой целью поэт сдвигает акцент с *единичной* меры, символизирующей непрерывную смену моментов «теперь», на меру *нулевую*, и предсказать вероятность наступления нового мгновения становится уже практически невозможно.

В результате анализа выясняется, что непостижимое, неописуемое и неуловимое время, тем не менее, превращает в ничто все остальные определенности человеческого рассудка. Важным аспектом, отмеченным в исследовании, является то, что Введенский косвенным аллегорическим путем приходит к единственному адекватному образу времени. Этим образом становится человеческий организм, целостность которого постоянно подвергается сомнению. Пограничный опыт, разрушающий индивидуальность, заставляющий ее «мерцать» между бытием и небытием приводит к тому, что и времени перестает отражаться в нём как единый поток и проявляет подлинное и единственное свое свойство – несуществование.

Переживаемое телом как таковым событие (настоящим событием Введенский называет смерть, на основании анализа взглядов чинарей как сообщества диссертант присоединяет другие формы пограничного опыта) указывает на парадоксальность линейного непрерывного времени и на возможность другого образа времени – вечности, для которого нет необходимости в целостности восприятия и индивидуальном «наблюдателе». Исходя из предлагаемого анализа категории времени, связанного с ней понятия «событие» и типов пограничного опыта делаются следующие выводы. Материалом поэзии Введенского становятся телесно переживаемые события, как парадоксальное «сращение» выражаемого (пограничного опыта) и выражения (отмеченного абсурдностью поэтического текста), называемого «*иероглифом*». Такого рода материал формирует специфическую авторскую поэтику и сообщает ей особый стиль, названный Я. Друскиным «*семантической бессмыслицей*».

Второй параграф второй главы «Леонид Липавский: время соприсутствия», представляет собой систематический анализ взглядов Леонида Липавского на категорию времени и смежные с ней понятия.

В данном параграфе диссертант показывает, что усилия Липавского направлены, в первую очередь, на дискредитацию и разрушение традиционного представления о времени как некоей объективно существующей длительности.

Анализ излагаемой в «естественнонаучных» трактатах Липавского системы представлений о времени как об изменении и длительности позволяет сделать вывод, что автор полагает реально существующим только субъективное время. Подчеркивается, что Липавский приходит к этим выводам, основываясь целиком на анализе чувственных данных. Философ последовательно пересматривает представления о первичности и нередуцируемости ощущений и, далее, – качеств. Фактически, Липавский – представитель крайнего релятивизма, о чем он заявляет открыто, сводя существование чего-либо к различию между «этим» и «тем», между частями мира, определяемыми наблюдателем и остающимися вне его зоны «видимости». То, следует вывод, что субъективное время появляется, как один из возможных способов восприятия мира, только в системе различий, и его как такового – независимо от наблюдателя, вводящего данные различия, – не существует. В конечном итоге, существующий мир для Липавского предстает как система отношений и аббераций, вызванных различием «этого» и «того». То, что чувственно воспринимается наблюдателем как вещи, оказывается всего лишь экстремумами «линий напряжения качеств», частным случаем существования.

Как показано в параграфе, непосредственно связанной с представлением о субъективном времени, предстает у Липавского идея о случайности и неустойчивости индивидуального существования. Ситуацию, в которой происходит колебание между воспринимаемостью мира привычным человеческим способом и, следовательно, его «вписанностью» в субъективное время, и самим миром, лишенным антропоморфного наблюдателя, чинари называют системой, находящейся в «равновесии с небольшой погрешностью». «Погрешность» обуславливает существование мира и привносится самим человеческим способом восприятия мира – те условным разделением мира на воспринимаемые элементы, случайно составленные комплексы свойств, «плохие смеси» качеств, связываемые в единую систему только в сознании наблюдателя. Это связывание условных «частей» мира в человеческом сознании и порождает субъективное время.

Диссертант утверждает, что позиция Липавского (и чинарей в целом) предполагает возможность другого способа восприятия мира и, следовательно, существование другого образа времени – т.н. «объективного времени», и это время в представлении чинарей тождественно вечности. Существование «объективного времени» можно постулировать, только ощутив внутримгновенный ритм явления. Воспринять такое самостоятельное время возможно лишь в такой системе «мир-наблюдатель», где наблюдателем становится уже не человек, а *любые* элементарные части мира.

Диссертант показывает, что, с одной стороны, согласно Липавскому, разрушение времени вызывает его каталепсию, равно как и переход воспринимаемого мира к несуществованию. Позиция наблюдателя при этом становится абсурдной, пограничной,

лишенной антропоморфных черт, что и вызывает сильное аффективное переживание – ужас. С другой стороны, – это цель поисков чинарей, прикосновение вечности и возможность увидеть мир таким, какой он есть в своей первозданности. Отсюда одновременно и привлекательность, и ужасность такого безындивидуального мира для философа.

Во вневременном, безындивидуальном мире отсутствует рядоположность, – собственно, основание времени, и наличествует лишь пространство, заполненное неподвижными вещами. Акт обращения к себе самому по имени, которое вспоминается как последнее прибежище индивидуальности, возвращает наблюдателю его двойную позицию вне и внутри мира. Диссертант эксплицирует и подчеркивает общую для чинарей, а особенно для Липавского и Друскина, идею о неразрывной связи, взаимозависимости именованного и существующего: назвать что-либо означает наделять это явление существованием, более того, этот процесс утверждает и существование самого именуемого.

Диссертант привлекает к анализу своеобразную теорию языка Липавского, а именно идею о «противоположном вращении» «Вращение слова» – одна из основных идей трактата Липавского «Теория слов», которая объясняет, каким образом в процессе развития языка возникает специализация значений. Липавский полагает, что таким лингвистическим явлениям, как редупликация морфем, метатеза, аффиксация, соответствует «вращение слова» и, как следствие, выделение в изначально широком поле значения данного слова какого-либо отдельного специализированного значения. «Противоположное вращение» – это регрессивный процесс, выводящий на поверхность исходное родство языка с миром, вещами и отдаленность его от человека. В соответствии со взглядами Липавского, язык существует самостоятельно и независимо человека и вступает с человеком в подобие симбиоза. Таким образом, диссертантом устанавливается связь между «распредмеченной» Липавским категорией времени и распадом индивидуальности в рамках неантропоморфного языкового поля. Диссертант выделяет иероглифический знак-индекс как тот тип знака, который напрямую, без символической опосредованности, связывает человека и слова с самими вещами.

На основании эксплицированных переключек творческо-исследовательских методов Липавского и Введенского диссертант делает вывод о том, что принципом организации «языка вещей», который теоретически и практически реализовывали в своем творчестве чинари, должен быть метонимический принцип, подробному рассмотрению которого посвящен первый параграф третьей главы.

В третьем параграфе второй главы, «Яков Друскин: время коммуникация», диссертант систематически представляет взгляды Я Друскина на время и связанные с этой категорией антропологические, этические и эстетические представления писателя

Друскин применяет небинарную логику для решения своей задачи – построения онтологической теории познания, в которой мыслить действительно означало бы существовать. С этой целью Друскин рассматривает время как абсурдную категорию, вводящую соответствующую логику в человеческую жизнь и подчиняющую ее желаниям. Тем не менее, как утверждает диссертант, и Липавский, и Друскин отказываются в своих изысканиях от системосозидающего жеста.

В представлении Друскина индивидуальное существование конечно и связано со смертью потому, что смерть, небытие в саму жизнь приносит время «Смерть объединяется с индивидуальностью» (*Я Друскин, «О пространстве жизни»// «Сборище друзей, оставленных судьбою* », С 615) Время – «только граница двух пространств», оно не существует самостоятельно, что особенно заметно в отношении тех существ, границы которых проницаемы для окружающей их среды обитания

Отсюда делается вывод, что именно индивидуальность, условно выделенная из потока жизни, есть некоторое существование, а создавшее ее время – ничто. Время в этом своем движении и «спивании» двух поверхностей, реализующихся в этот момент, оказывается производящей причиной абсурда: время связывает несколько независимых существований – вещей, живых существ, слов – друг с другом, что создает в свою очередь матрицу, «объяснительную сетку», набрасываемую на мир и дающую видимость понимания. Время производится как условно существующая связь между двумя мгновениями вечности.

Благодаря разделению «спитой временем» неправильной смеси самостоятельных мгновенных состояний коммуникация начинает осуществляться иным способом, который не нарушает структуру мира. Коммуникация, сообщение между мгновениями называется у чинарей «прикосновением соседнего мира», т.е. сближением с параллельным миром вестников.

В параграфе раскрываются такие характерные концепты чинарей, как «вестники» и «соседние миры» («Вестникам»), существам из соседнего мира, неизвестна скука, пустота и однообразие, которые проистекают от времени. Главным антропологически значимым следствием становится тезис о руководящем человеком желании, свободе выбора и проистекающей отсюда неудовлетворенности и скуке. Только отказавшись от желания, став «голым» (в терминах чинарей), человек может ощутить вечность – соседний мир, присутствие вестников, но едва ли сможет без риска потери индивидуальности выйти из порядка временного существования.

В параграфе показано, что Друскин обращается к идее сопричастности, проблеме установления отношений между двумя сущностями, претерпевающими процесс индивидуального становления (индивидуации, в терминах Ж Делёза) На основании анализа поздних работ Друскина и трактата «Теоцентрическая антропология» диссертантом делается вывод, что для Друскина только коммунитарным способом – через осознание разделенности сущностей, их совместного явления и коммуникации – оказывается возможно придти к индивидуации, к установлению неискаженных отношений между миром, человеком, Богом

Значительная часть параграфа посвящена попытке систематизировать терминологию Друскина в отношении онтологических вопросов и проблем восприятия Самобытные идеи Друскина, представляющие интерес с точки зрения философии, лингвистики, семиотики, теории коммуникации, рассматриваются в преломлении понятий современной структурной лингвистики и постструктуралистской философии

В конце главы формулируются выводы и выдвигается гипотеза, которая позволяет обнаружить в фундаменте сообщества конкретную когнитивную и коммуникативную модель, которую диссертант предлагает назвать метонимической моделью, или *метонимией* Эта модель, во-первых, объясняет своеобразие вышеописанных построений и, во-вторых, позволяет связать «философскую» часть воззрений чинарей, касающуюся проблем времени, существования, индивидуальности и жизни, с поэтической практикой

В третьей главе, «Эстетика чинарей: основные темы и подходы», диссертант объясняет, чем поэзия ОБЭРИУ отличается от экспериментов радикального русского авангарда (футуризм и будетлянство, заумь, постсимволизм) В качестве гипотезы диссертант предлагает принцип, который вслед за Р Якобсоном может быть назван принципом *метонимической комбинации*

В соответствии с идеей Р Якобсона, речь предполагает отбор определенных языковых единиц (элементов кода) и их комбинирование в языковые единицы более высокой степени сложности Так строится осмысленное высказывание, сверхфразовое единство или текст, причем при переходе от низших уровней языка к высшим возрастает степень свободы выражения индивидуальности Опираясь на это положение, диссертант задается следующими вопросами существует ли способ выражения неличного, неиндивидуального содержания? Может ли рост степени свободы индивидуальности быть обращен, сведен к минимуму, и если да, то какими средствами?

Далее подробно рассматривается двоякая парадигма, предложенная Р Якобсоном, выделяются четыре уровня взаимосвязи языкового кодирования и свободы манифестации индивидуальности Четвертый тип кодирования соответствует типу письма чинарей, в

нем кодирование как таковое может быть ослаблено путем приостановки работы селективного (метафорического, по Якобсону) механизма. Получаемый текст перестает тем самым отсылать к конвенциональному знанию, в свою очередь имеющему основание в представлении о непрерывности времени и устойчивости памяти и исходящему из презумпции существования «массива готовых представлений»

Эта последняя возможность, как утверждается в диссертации, была использована в письме чинарского типа, и наиболее полно реализовал ее возможности Введенский. В контексте представления чинарей о раздробленности времени и следующего отсюда введения иероглифического типа знака, знаковая ситуация у чинарей строится по модели, описанной Р. Якобсоном как один из видов афазии, связанный с нарушением метафорической селективной способности. Определенные Р. Якобсоном параметры лингвистической метонимии соответствуют важнейшим теоретическим установкам чинарей, отразившимся в их литературной практике. Его характерные черты:

- 1) авторский идиостиль (индивидуальный стиль), идиолект вместо общепонятного языка,
- 2) снижение использования символических знаков в речи,
- 3) выстраивание высказывания на основании контекста, а не унифицированного кода высказывания с необходимостью ограничивается не языковыми нормами, а локальным временным и пространственным контекстом

Далее в параграфе описывается смена принципов письма, наблюдаемая у чинарей: это переход от рассмотрения чего-либо через что-либо иное и следующей за этим произвольной номинации, означивания, как в сравнении и метафоре, – к описанию-через-указание, к формированию текста через контекстуальную «окрестность» и смежность знаковых элементов. В основании результирующего текста, то есть, будет лежать метонимический принцип, структура такого текста во многом соответствует топологической схеме, разработанной Я. Друскиным.

В заключение параграфа диссертант отмечает, что необходимость структурного противопоставления метафоры и метонимии подчеркивает и Ж. Делез. Он противопоставляет метафору и метонимию как факторы, благодаря которым возможна коммуникация серий структуры, то есть соотносительность двух или более упорядоченных наборов элементов, наполняющих структурную матрицу конкретным содержанием и порождающих текст.

Диссертант делает следующие выводы: именно метонимические отношения являются фундаментом теоретических построений чинарей и самой их повседневной практики общения, кроме того, особенности поэтики – наиболее отчетливо заметные в

творчестве Введенского – отражают использование метонимической коммуникативной модели

В первом параграфе третьей главы, «Структура языка и принципы коммуникации», диссертант рассматривает структуру языка и принципы коммуникации, как они реконструируются из текстов чинарей

В начале параграфа диссертант предлагает общетеоретические принципы построения коммуникативной модели и способы экспликации смысла, которые способствовали бы прочтению текстов, отражающих опыт сообщества Утверждается, что для чинарей целям высказывания смысла служит речь в ее телесности и выразительности, но речь особая, не равная себе как единице информации Эта речь должна разомкнуться в со-бытии, совместном бытии, в коммуникации с другой речью собственно коммуникативный акт здесь и представляет собой смысл Фундаментальный смысл начинает проговариваться в размыкании индивидуальности, здесь выражается сама сущность языка, и одно из наиболее мощных средств для этого – поэзия

Коммунитарный опыт предполагает особый способ самовыражения, где смысл высказывания тождествен реальной ситуации и неотделим от формы высказывания Следовательно, для одновременного выражения соотносительности многих элементов, соответствующей ситуации и составляющей саму эту ситуацию, требуется задействовать фундаментальные возможности и свойства языка, не связанные временными ограничениями В связи с этим в параграфе предлагается анализ трактата «Теория языка» Липавского, сконцентрировавшего в себе лингвистическую и коммуникативную мысль чинарей Исходя из рассмотренного материала, диссертант ставит вопрос каким образом можно обнаружить этот «иной смысл» в ситуации, когда человек лишен возможности подчинять себе язык и пользоваться им как подручным средством описания и постижения мира?

В ходе дальнейших рассуждений показано, что язык и человек, в представлении чинарей вступают в отношения, не становясь средством или функцией друг для друга В точках сближения человека и языка, где, с одной стороны, человек ощущает «текучесть» языка в вариациях диалектов, в подвижности языковой нормы, где возможно сотворчество людей и языка, а, с другой, в ответ на изменение мировосприятия человека меняется сам язык, на уровне художественной практики появляются собственно *речевые* единицы – иероглифы.

Диссертантом подробно описан ключевое в творчестве чинарей понятие «иероглиф» Иероглиф, говорит Друскин, есть «некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне больше того,

что им непосредственно выражается как материальным явлением» (*Я Друскин, Звезда бессмыслицы*// «Сборище друзей, оставленных судьбою », С 325) Это парадоксальное на первый взгляд определение на самом деле ухватывает самую суть знаковой ситуации и наиболее явственно отражает суть искусства

В целях более четкого определения иероглифа, а также его места и функции в системе взглядов чинарей и его отношения к метонимической коммуникативной модели диссертант обращается к продуктивной аналогии в фотографии в трактовке этого феномена Ж. Деррида. При сопоставлении фотографической структуры, природу которой Ж Деррида определяет как метонимическую, со структурой иероглифа у чинарей, выясняется, что, так же как и иероглиф, пунктум должен быть ограничен определенной окрестностью, т е , выступая *в качестве* знака чего-либо, не иметь знаковой природы, и, возникая из реальности студиума, одновременно не принадлежать к этому кодифицированному уровню В то же время пунктум фиксирует окрестность, подтверждает ее собственный знаковый, кодифицированный статус по отношению к его – пунктума – незнаковой природе Пунктум находится в отношении дополнительности к студиуму, потоку кодифицированных штампов и клише, и «проявляет» его, позволяя перевести всеобщее и ничейное переживание в переживание разделяемое и совместное Метонимия здесь играет роль «переключателя», распределяющего переживание между сингулярностями и переводящего их на общественный уровень Собственно в фотографии этой точки может не существовать для конкретного смотрящего Эта точка как бы «выколота», «призрачна», поскольку не отсылает к личному опыту наблюдателя, но здесь возможно, как показывает Ж Деррида, установление метонимических отношений точка пунктума для Р Барта – смерть (смерть его матери, как его собственная отсроченная смерть), но это и точка пунктума для любого смотрящего, поскольку каждая смерть метонимически относится к любому живому существу

Подобным же образом Я Друскин показывает, что иероглиф становится точкой, заставляющей вспомнить и одновременно пережить заново в настоящем некий прошлый или будущий, до- или внеиндивидуальный опыт

На основании приводимого сопоставления выявляется динамический аспект топологической структуры письма, предложенной Друскиным Динамика топологической системы описывает сложное соотношение времени и вечности, иными словами – ритм Ритмические отношения свойственны и дерридеанской схеме, в которой пунктум ритмизует и «скандирует» студиум Здесь диссертант намечает переход к тн «музыкальному» коммуникативному принципу, представляющему конкретное воплощение метонимической модели и иероглифики в творчестве Введенского

Второй параграф третьей главы, «Музыкальный принцип коммуникации (опыт Введенского)», представляет собой разбор конкретного стихотворения Введенского и служит применением принципов коммунитарной коммуникативной стратегии в анализе поэтических опытов чинарей

Музыкальное произведение как произведение искусства, использующее принципиально асемантические элементы (звуки) и для организации которого требуется внеположный ему принцип, пронизывающий опус в целом (ладовая или тональная структура, контрапункт, додекафоническое «тяготение», алеаторический принцип и т.п.), также фактически в основании своем имеет метонимический принцип. Музыка моносемантична по сравнению с языком, семиотический план в ней редуцирован до синтаксиса, а семантический – в принципе парадоксален, поскольку нотные знаки не выражают понятий и приравниваются к вещам. Музыка – язык без семантики, т.к. звук не является ни означающим, ни означаемым, в этом отношении он *иероглифичен*, кроме того, музыку, как систему звуков, предстает как существующая вне времени. Это позволяет в рамках диссертации применить некоторые принципы музыкальной теории к анализу стихотворения Введенского «На смерть теософки» (1927 или 1928 г.), представив его как «серийно» организованное произведение – как в философском, так и музыкальном смысле этого слова. «Музыкальное» использование речи, которую составляют в случае поэзии Введенского асемантические или автореферентные элементы – иероглифы, должно отсылать к внеположному принципу организации к коммунитарному, телесному и аффективному, опыту. Две двойные серии в стихотворении представлены оппозициями «сон, бред, горячка – явь» и «рассказчик – герой». Парадоксальными, абсурдными элементами, заставляющими элементы этих серий коммуницировать и производить тем самым смысл, служат важнейшие для поэта иероглифы «время», «смерть», «Бог», повторяющиеся с вариациями в стихотворении. Постоянное присутствие данных иероглифов у Введенского в «беспунктуационном периоде» творчества позволяет экстраполировать «серийный» метод на другие стихотворения поэта.

В заключении сформулированы выводы, представлены результаты данной диссертационной работы и намечены дальнейшие перспективы исследования.

Библиография, включает 123 источника, в том числе 14 – на иностранных языках

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора

- 1 Липавский и Друскин чинари в поисках смысла// «Вестник РГГУ» – М Изд-во РГГУ, 2007 №4 - С 55-76, (1 п л),
- 2 Наивное искусство исток и предел// Сб статей «Языки культур в пространстве наивного», под ред А Рыльской – М 2007 - С 39-49, (0,5 п л),
- 3 «Дать слово Хаосу»/рецензия на книгу Леонид Липавский Исследование ужаса. М Ad Marginem, 2005. – 448 с // «Синий диван» – М Три квадрата, 2006 №8 - С 200-211, (1 п л),
- 4 Логика абсурда с точки зрения семиотики и теории коммуникации ретроспективный взгляд на творчество Даниила Хармса// «Русская литература XX века типологический аспект изучения» – М Изд-во МПГУ, 2004 Вып 9 - С 68-80, (0,5 п л);
- 5 Роль языка в становлении субъекта и существовании культуры// «Труды РАН», М РГГУ, 2004 №1 - С 144-150, (0,5 п л),
- 6 «Тюк» Даниила Хармса ритуал и коммуникация (мифология абсурда)// «Сб научных трудов Российского Центра Изучения Фольклора» – М, 2004 №11 - С 116-124, (0,5 п л)

Заказ № 546. Объем 1-п.л. Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Петрорун».
г. Москва, ул. Палиха-2а, тел. 250-92-06
www.postator.ru